

УДК 811.161

DOI <https://doi.org/10.24919/2308-4863.2/23.166185>**Наталья КОЧ,***orcid.org/0000-0002-6663-4802*

доктор филологических наук, профессор,

профессор кафедры общей и прикладной лингвистики

Николаевского национального университета имени В. А. Сухомлинского

(Николаев, Украина) *nataliakoch62@ukr.net*

ХРИСТИАНСКАЯ КАТЕГОРИЯ СТРАДАНИЯ В СВЕТЕ ТЕОРИИ ЭМПИРИЧЕСКОГО ОБОСНОВАНИЯ ЗНАНИЙ (ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ И КОГНИТИВНЫЙ АСПЕКТЫ ПРОБЛЕМЫ)

В статье на материале памятников письменности восточных славян рассматривается базовая антропологическая категория морально-этической сферы жизнедеятельности человека – категория «страдание». Оговоренный чувственный опыт расширяет границы эмпирически приобретенного знания о соответствующем концепте как болезненном переживании. Христианское понимание высокой миссии страждущего представлено в восточнославянских лингвокультурах преимущественно ориентационной и морбальной концептуальными метафорами.

Ключевые слова: категория страдания, памятники восточнославянской письменности, когнитивная метафора, эмпирическое знание.

Natalia KOCH,*orcid.org/0000-0002-6663-4802*

Doctor of Philological Sciences, Professor,

Professor of the Department of General and Applied Linguistics

Mykolaiv V. O. Sukhomlynskyi National University

(Mykolaiv, Ukraine) *nataliakoch62@ukr.net*

CHRISTIAN CATEGORY OF SUFFERING IN THE LIGHT OF THE THEORY OF EMPIRICAL SOURCING OF KNOWLEDGE (LINGUOCULTURAL AND COGNITIVE ASPECTS OF THE PROBLEM)

The article deals with the basic anthropological category of the moral and ethical sphere of human life – the category of suffering. The purpose of the study is to analyze the cognitive content of the category “suffering” within the framework of the theory of empirical substantiation of knowledge. The linguocultural and cognitive approach to studying the category and the corresponding concept is based on the material of the literary monuments of the Eastern Slavs. A posteriori empirical knowledge of suffering can supplement the speculative notions of this phenomenon. Such knowledge and experience are represented in the texts being studied, mainly body-oriented and morphological cognitive metaphors. The semantics of nominations representing the concept of “suffering”, simulates the representation of the ancient Slavs about suffering as an action associated with struggle, torment, grief, and religious asceticism.

The cognitive processes in human thinking, determined by at least two components of cognition-biological expediency and cultural conditioning-require different forms of cognition. Rational comprehension of key cultural categories and concepts, supplemented by empirical methods based on sensory perception, is objectified in the language. The linguistic category of suffering in the East Slavic languages (the 11th–17th centuries) occurs with the help of linguistic units with corresponding semantics, representing both speculative knowledge and sensory experience of comprehension of the concept. The representation of such a concept with the help of orientational and morbine cognitive metaphors proves that the conceptual dichotomy “suffering – top, better” paradoxical in the worldly hypostasis of being is quite logical in the sacred space, since it is consistent with the key idea of Christianity – the salvation of the soul (“the inner man”) through suffering. The diachronic approach to the study of the linguistic phenomena of the East Slavic culture in the light of various epistemological theories allows us to analyze the deep mechanisms of the process of cognition of reality, which determined the peculiarities of the mentality of the representatives of these cultures.

Key words: category of suffering, monuments of East Slavic writing, cognitive metaphors, empirical knowledge.

Постановка проблемы. Анализ исследований. Категория страдания как одна из базовых антропологических категорий морально-этической сферы жизнедеятельности человека рассматривается в науке многоаспектно. Для понима-

ния концепта «страдание» значимыми являются, прежде всего, взгляды философов (Аристотель, Спиноза, И. Кант, А. Шопенгауэр, Н. А. Бердяев, В. С. Соловьёв, С. Кьеркегор, Ф. Ницше, Ж.-П. Сартр, М. Хайдеггер). Однако, несомненно,

что исследования страдания как психологического и социального феномена (К. Ясперс, В. Франкл и др.) не менее важны для антропоцентричных наук. Теологическая идея страдания человека лежит в основе фундаментальных богословских сочинений Иоанна Златоуста, Исаака Сирина, Кирилла Туровского, трудов по христианской апологетике Иоанна Дамаскина, Иоанна Лествичника, Августина и многих других подвижников христианской религии. Культурологический интерес к теме страдания (С. С. Аверинцев, К. С. Льюис, М. Фуко) обусловил появление ряда исследований, в которых страдание изучается как когнитивно-культурное явление на материале различных лингвокультур (Н. А. Азаренко, В. В. Андриевская, И. В. Бардыкова, С. В. Коростова, Л. Н. Марчук, О. А. Трофименко, О. Ю. Чебанюк).

Цель статьи – проанализировать когнитивное содержание категории «страдание» в рамках теории эмпирического обоснования знаний на материале памятников письменности восточнославянских лингвокультур (выборка контекстов производилась из лингвистических исторических словарей древнерусского, староукраинского и старобелорусского языков).

Изложение основного материала. Анализ феномена страдания позволяет выделить его базовые характеристики, не вызывающие возражений у большинства ученых, что, тем не менее, не устраняет противоречий в подходах к исследованию его ценностного статуса. В соответствии с античной традицией концепт «страдание» рассматривается двояко: как безусловный рок и как путь очищения от страстей (катарсис). В средние века страдание включается в религиозный контекст, концептуализируясь с идеями искупления греха, наказания плоти, страха Господня. Европейские философы нового времени трактуют эту морально-этическую ценность универсального характера (чаще в одном из ее видов – сострадании) через категории рациональности и утилитарности (Т. Гоббс, Р. Декарт, Г. Лейбниц, Б. Спиноза, А. Смит). Немецкий философ И. Кант, признавая необходимость сострадания как долга человечности, видит в нем существенные ограничения для личности, что проявляется в нерациональности мышления, несвободном и пассивном поведении человека и т. д. Кардинально иной подход к роли страдания представлен в русской философской мысли XX века. Так, в трудах Н. А. Бердяева страдание объясняется с помощью понятия духовности, нерационального по сути, но являющегося, по его мнению, истинным состоянием свободы личности. Более того, отказ от духовности, который

влечет за собой превращение человека в животное и «мог бы облегчить страдание, уменьшить боль», означает «отказ от достоинства человека» (цит. по: Чанышев, 2000). Таким образом, теологический ракурс рассмотрения проблемы в связи со значимостью душевных страданий меняет контекст осуществления страдания (сострадания), где телесные муки являются лишь первым шагом к истинному пониманию их роли в жизни человека.

В свете теории эмпирического обоснования знаний категория страдания интерпретируется как преодоление человеком своих природных страстей. Например, в философии А. Шопенгауэра искупительное страдание (сострадание) формируется как преодоление человеком своих эгоистических побуждений. Социальная и эмоциональная привязанность к себе подобным, бушевавшие страсти, свойственные природе человека, – все это вступает в противоречие с естественным эгоистическим желанием человека избежать душевной и физической боли. Парадоксальность страдания как психологического и социального феномена частично разрешается путем рационального обоснования его необходимости в религиозных практиках. Однако и в этом случае сложность осознания неизбежности болезненных мучений не позволяет богословам трактовать концепт «страдание» однозначно. В христианской традиции (особенно в таких ее проявлениях, как аскетизм, столпничество, нестяжательство, юродствование и прочее) страдание является нравственным (по Канту – категорическим) императивом. Непреложность такой императивности в обычной жизни подвергается сомнению. Безусловное должествование страдания как принципа поведения верующего в сакральном пространстве в мирской ипостаси бытия имеет характер императива гипотетического.

Сведения о христианской модели поведения восточные славяне получают через богослужебные книги, переводы которых фиксируются в древнерусской письменности с XI в. С одной стороны, страдание – это суровое наказание за грехи, которое должно подтолкнуть к раскаянию, с другой стороны – возможность искупить грехи через боль, спастись и продолжить вечную жизнь в царстве небесном. Облегчают муки вера и мысль о том, что боль, сопутствующая страданию, – это одно из проявлений любви Бога к человеку. Искупительное страдание распятого Христа (то есть сострадание в чистом виде), которого, безусловно, любит Бог, – эталон поведения христианина: *«Посмотри на сострадающего, получившего спасение; ибо сказано: даждь знамения на лица*

стенящих и болезнующих», – ссылаясь на Книгу пророка Иезекииля (Иезек. 9: 4), пишет в своем «Поучении о сквернословии» Иоанн Златоуст (XI в.). Его же поучение «О правильном перенесении скорбей и болезней» гласит: «Разве ты не знаешь, какая великая награда назначена для благодарной души за болезнь? <...> страдания плоти служат и блестящим венцом для праведных, сияющим гораздо светлее солнца, и величайшей очистительной жертвой для согрешивших» (XI в.).

Амбивалентный характер страдания усложняет егоприятие, требуя как рационального, так и чувственного осознания концепта. Апостериорное эмпирическое познание страдания – опытное знание, полученное человеком с помощью органов чувств, – позволяет дополнить умозрительные представления о данной моральной категории и связать их, прежде всего, с состоянием боли (болезни), печали и скорби (см. определение страдания в Новой философской энциклопедии: «Страдание – претерпевание, противоположность деятельности; состояние боли, болезни, горя, печали, страха, тоски и тревоги» (Чанышев, 2000)).

Как мы уже отмечали, «концептуализация боли в мифологической и религиозной, в частности христианской, картинах мира имеет принципиальное отличие: в последней боль переносится в имманентные структуры, однако при этом остается ее телесное осознание, мыслимое нашими современниками как метафорическое воплощение интенций человека «внутреннего» через первичные физические ощущения, ставшие источниками базовых эмоций страха, радости, печали и т. п.»: «...чем более страждет внешний человек, тем более возрастает в силе внутренней» (Син. пат. VI–VII вв.) (Коч, 2013: 190). Своеобразный материально-идеальный (телесно-душевный) характер боли, концептуально связанной с антропоморфными понятиями типа «скорбь», «горе», «слезы», «мучение» и прочее, познается, как правило, через категорию «страдание» и презентуется в текстах древнерусской литературы преимущественно телесно ориентированной и морбиальной метафорами.

По мнению когнитивистов, все концептуальные метафоры основаны на эмпирическом опыте человека (Лакофф, Джонсон, 1990). Например, ориентационные познавательные модели по типу «верх – лучше, больше, крепче» имеют чувственные обоснования, базирующиеся на физических ощущениях здорового организма, и связаны с состоянием радости, которому сопутствует веселье и смех. Модель «низ – худшее, меньше,

слабее» предполагает ощущения болезненности, слабости, немощности, состояние печали, уныния, депрессии (ср. др.-рус. *омалети* «ослабеть»): «...яко г(с)нь рабом крепком и могоущем тяжьская и великая дела поручает немощным же и слабым хоудая и легкая дела замышляеть» (ПКП, 162а. 1406 г.). В соответствии с последней моделью, страдание ориентировано на «низ». Так, даже в обращении к Богу митрополита Илариона («Слово о Законе и Благодати») звучат мирские мотивы: «...въ мале оскорби, а въ скоре овесели, яко не тръпить наше ествство дълго носити гнева твоего, яко стеблие огня!» (XI в.). Однако в сакральном контексте неизбежно возникает парадокс: искупительный смысл страдания поднимает его на духовный уровень, а значит – связывает с ориентацией «верх» (ср., например, в философии Ф. Ницше страдание – условие духовного величия). Возникшая концептуальная оппозиция «страдание – верх» не противоречит богословской христианской традиции, в которой непостижимость основных религиозных догм формулируется в виде антиномий.

Анализ исторических словарей и этимологические исследования слов с корнем *страд-* убедительно доказывают, что в основе семантики лексемы *страдать* – активное действие (что противоречит определению страдания как *противоположности деятельности* в философской энциклопедии), это действие, связанное со сложной работой, требующей физических и эмоциональных усилий, а также нравственного напряжения: слав. *страдати* «работать, трудиться», «обрабатывать (землю)», «радеть», «страдать, мучиться», «сострадать», «терпеть, претерпевать», «бедствовать»; др.-русск. *страдати* «стараться, добиваться; радеть»: ...*страдалъ за тотъ миръ* «добивался мира, радел за мир» (Смол. грам. 1229 г.) (Фасмер III: 770). Южнославянские и западнославянские языковые параллели указывают на тесную связь концептов «страдание» и «бедствование»: болг. *страдѧя, страдам* «страдаю», сербохорв. *страдати, страдам*, словен. *strádati, strádam* «бедствовать», чеш. *strádati* «страдать», словц. *strádati*, польск. *stradać*, в.-луж. *tradać, -am*, н.-луж. *išadaś* «бедствовать» (там же).

Интерпретация страстей в церковнославянской богослужебной литературе и древнерусских письменных источниках как мучения, страдания, боли (др.-р., ст.-сл. с XI в. – *страсть* «страдание», «бедствие», «болезнь», «несчастье», с XIV в. – «борьба», с XVI в. – «порок») имеет этимологические основания, подтверждающиеся данными некоторых славянских языков: чеш. *strast*, словац.

strast` «страдание». Ссылка на индоевропейский корень **(s)ter-*, имеющий значения «становиться жестким, тугим», «коченеть», «делаться твердым», свидетельствует о первоначальном сенсорном опыте осознания понятия «страсть» (Черных II: 206, 207; Срезневский III: 542–543).

В «Материалах для словаря древнерусского языка» И. Срезневского семантика ключевой номинации концепта «страдание» и словообразовательного гнезда, в структуру которого входят лексемы с корнем *страд-*, моделирует представление древних славян о страдании как действии, связанном с борьбой, мучениями, подвижничеством, что доказывает важную роль страдания в религиозных, в частности аскетических, практиках: *страдалец* «борец; радетьель» мученик», *страдальник* «работник; страдалец, мученик», *страдъникъ* «работник; подвижник», *стрададавецъ* «подвигоположник», *страданосица* «мученица, страдалница», *страдъба* «подвиг», *страдаати* «работать, трудиться; обрабатывать; радеть; страдать, мучиться; сострадать; терпеть, претерпевать; бедствовать» (Срезневский III: 531–532).

В «Историческом словаре белорусского языка» лексемы словообразовательного гнезда слова *страдаати* в значениях «искупать [грехи]», «принимать мучения [за веру]» со ссылкой на «Лексикон» известного галицкого ученого Памвы Берынды и деловую белорусскую письменность XVII в. аналогично указывают на связь страдания с несчастьем, бедностью, страстями: *страдный* «страстный, страдный, несчастный» (Бяр., 11, XVI в.); «...все то деется не вами всеми, але якимъ-сь худымъ човекомъ, страдникомъ» (АЗР IV, 493, 1615 г.) (Гістарычны слоўнік ХХХІІ: 451).

Выводы. Подводя итоги исследования, следует отметить, что когнитивные процессы в мышлении человека, детерминированные как минимум двумя составляющими познания – биологической целесообразностью и культурной обусловленностью, – требуют различных форм познания. Рациональное постижение ключевых культурных категорий и концептов, дополненное эмпирическими методами, основанными на чувственном восприятии, определяется в языке. Оязыковление категории страдания в восточнославянских лингвокультурах (XI–XVII вв.) происходит с помощью языковых единиц с соответствующей семантикой, представляющей как умозрительное знание, так и чувственный опыт осмысления концепта. Репрезентация такого концепта с помощью ориентационных и морбиальных когнитивных метафор доказывает, что парадоксальная в мирской ипостаси бытия концептуальная дихотомия «страдание – верх, лучше» совершенно логична в сакральном пространстве, так как согласуется с ключевой идеей христианства – спасение души («человека внутреннего») через страдания.

Перспективность дальнейшего исследования проблемы репрезентации ключевых культурных категорий и концептов в лингвокультурном и когнитивном аспектах несомненна. Диахронический подход к изучению оязыковленных феноменов морально-этической сферы жизнедеятельности человека в свете различных гносеологических теорий позволяет проанализировать глубинные механизмы процесса познания действительности, определившие особенности ментальности представителей культур и их концептуально-языковой картины мира в целом.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Гістарычны слоўнік беларускай мовы. Мінск: «Беларуская навука», 2012. Вып. 32. 501 с.
2. Коч Н. Особенности концептуализации понятия «боль» в восточнославянской христианской культуре. *Научный вестник Чернивецкого университета*. 2013. Вып. 659. С. 189–195.
3. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. Теория метафоры. М.: «Прогресс», 1990. С. 387–416.
4. Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.): в 10 т. М.: «Русский язык», 1988–2013.
5. Словник староукраїнської мови XIV–XV ст. К.: «Наукова думка», 1978. Т. 2. 589 с.
6. Срезневский И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам: в 3 т. СПб.: Типография императорской Академии наук, 1912. Т. 3. 1684 стб. + 272 стб. + 13 с.
7. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. М.: «Астрель – АСТ», 2004. Т. 3. 830 с.
8. Чанышев А. Страдание. Новая философская энциклопедия: в 4 т. Интернет-версия издания. М.: «Мысль», 2000–2001.
9. Черных П. Историко-этимологический словарь русского языка: в 2 т. М.: «Русский язык – Медиа», 2007. Т. 2. 559 с.

REFERENCES

1. Gistaryichnyi sloŭnik belaruskay movyi. [Historical dictionary of the Belarusian language]. Minsk: Belaruskaya nauka. 2012. Vyp. 32. 501 p. [in Belarusian].
2. Koch N. Osobennosti konceptualizacii ponyatiya “bol” v vostochnoslavjanskoj hristianskoj kul’ture. [Features of the conceptualization of the concept “pain” in Eastern Slavic Christian culture]. *Naukovij visnik Chernivec’kogo universitetu*. 2013. Vyp. 659. pp. 189–195 [in Russian].
3. Lakoff Dzh., Dzhonson M. Metafory, kotorymi my zhivem. Teoriya metafory. [Theory of metaphor]. M.: Progress, 1990, pp. 387–416.
4. Slovar’ drevnerusskogo yazyka (XI–XIV vv.): v 10 t. [Dictionary of Old Russian language in 10 volumes] M.: Russkij yazyk, 1988–2013 [in Russian].
5. Slovník staroukrajns’koj movi XIV–XV st. [Dictionary of the Old Ukrainian language of XIV–XV centuries]. K.: Naukova dumka, 1978. T. 2. 589 p. [in Russian].
6. Sreznevskiy I. Materialy dlya slovary drevnerusskogo yazyka po pismennym pamyatnikam: v 3 t. – SPb. [Materials for the dictionary of the old Russian language writing in 3 volumes]: Tipografiya imperatorskoj Akademii nauk, 1912. T. 3. 1684 stb. + 272 stb. + 13 s. [in Russian].
7. Fasmer M. Etimologičeskij slovar russkogo yazyka: v 4 t. [Fasmer M. Etymological dictionary of the Russian language in 4 volumes]. M.: Astrel, 2004. T. 3. 830 p. [in Russian].
8. Chanyshev A. Stradanie. Novaya filosofskaya ehnciklopediya: v 4 t. [Suffering. New philosophical encyclopedia: in 4 volumes]. Internet-versiya izdaniya. M.: Mysl’, 2000–2001 [in Russian].
9. Chernykh P. Istoriko-etimologičeskij slovar russkogo yazyka: v 2 t. [Historical and etymological dictionary in two volumes]. M.: Russkij yazyk, 1994. T. 2. 559 p. [in Russian].